

С (кф)
Р 82

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Яакко Рутоев

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В ДВУХ ТОМАХ

Том первый

СТИХОТВОРЕНИЯ
БАЛЛАДЫ
ПОЭМЫ

Перевод с финского

Москва

«Художественная литература»

1988

С (кф)

ББК 84 Карел7

Р82

1992 г.

Вступительная статья
Э. КАРХУ

Оформление художника
Ю. КОПЫЛОВА

Ругоев Я. В.

Р82 Избранные произведения. В 2-х т. Т. 1:
Стихотворения. Баллады. Поэмы. Пер. с фин.
(Вступ. статья Э. Карху).— М.: Худож. лит.,
1988.— 463 с.

ISBN 5—280—00247—X (Т. 1)

ISBN 5—280—002461

В первый том избранных произведений в двух томах известного карельского поэта и прозаика, лауреата Государственной премии Карельской АССР им. А. Перттунена Яакко Ругоева вошли поэтические произведения, посвященные Карелии, суровой и прекрасной стране, ее истории, трудолюбивым людям, их обычаям, родной природе. Творчество Я. Ругоева опирается на традиции карело-финской народной поэзии.

Р $\frac{4702270000-242}{028(01)-88}$ 96-88 ББК 84 Карел7

134048К
БИБЛИОТЕКА

© Состав вступительная статья, оформление, переводы, отмеченные в содержании. * Издательство «Художественная литература», 1988 г.

ЛИК РОДНОЙ ЗЕМЛИ

Если попытаться кратко выразить то главное, что движет талантом карельского поэта и прозаика Яакко Ругоева и составляет душу его творчества, можно сказать: любовь к родной земле, любовь выстраданная и обогащенная опытом жизни, с возрастом не только не убывающая, но становящаяся все более сосредоточенной и одухотворенной.

Родина есть у каждого человека, и для каждого она единственная. Любовь Яакко Ругоева к Карелии очень личная, ни на какую другую не похожая. Любовь к ее природе и людям, к трудам предков и современников, к народному языку и выработанным веками культурным ценностям.

Карелы — древний и вместе с тем исторически молодой народ. Древние эпические руны и предания, язык и обычаи — то, что создавалось и передавалось в народе в устной форме. Тогда как развитие книжных традиций, становление национальной литературы, возникновение карельской интеллигенции — все это сравнительно новые процессы, рожденные послеоктябрьской эпохой. Окутанная устными преданиями древность как бы надолго задержалась на карельской земле, вплоть до начала XX века, чтобы потом встретиться и слиться с новыми, социалистическими формами духовной культуры.

Хронологическое соседство фольклорной архаики и современной новы в духовной жизни карелов как одного из молодых народов, разбуженных к активной исторической деятельности Октябрьской революцией, придает совершенно особый характер развитию карельской литературы, в том числе творчеству Яакко Ругоева.

Писателям свойственно мыслить объемно, воспринимать народную жизнь не просто в сиюминутном, моментальном срезе, а в исторической протяженности, с учетом прошлых культурных традиций и их преломления в новых условиях. Для карельских писателей, в особенности для писателей старшего поколения, родной фольклор — это не просто книги на библиотечных полках, не одни лишь

сборники фольклорных текстов, а нечто большее. Ведь не только их далекие предки, но и отцы и матери жили еще в мире устной культуры, не зная культуры книжной. Народная поэзия для первого поколения карельских писателей была воздухом их детства и молодости, она вошла в их сознание не только из книжной «Калевалы», но из самой народной жизни.

Все это весьма характерно для творчества Яакко Ругоева и многое в нем объясняет. Писатель родился в 1918 году в Северной Карелии, в краю знаменитых рунопевцев. Учился в школе, потом в учительском институте, прошел через суровый опыт войны. Стал писателем, многое усвоив из народно-поэтических традиций. Один из сборников избранной лирики Я. Ругоева так и называется: «Мои карельские корни» (1982). О корневой связи с предками, в том числе с предками-рунопевцами, хорошо говорится в стихотворении поэта «Наследие» (для смысловой точности прибегаю к подстрочному переводу): «В их заскорузлых, натруженных пальцах перо было бы непослушным — плугом, мотыгой, топором записывали они свой след на этой милой земле... Они оставили нам безыскусные песни, вложив в них свою душу. И если бы не было всего этого, быть может, иначе называли бы теперь Карелию... Сегодня — другая жизнь, мы больше не сдираем с сосен кору на пропитанье... Дочери знают больше матерей, сыновья выросли выше отцов. Но память — может ли она зарастить? Потомки — остаться без корней?»

Обостренность этой корневой связи с духовным наследием предков, цепкость «фольклорной памяти» молодой литературы весьма показательны — у Я. Ругоева они составляют устойчивую поэтическую тему. В стихотворении «Если ты, дружок, забывчив...» читаем:

...Ты умен, но все таланты
Обернутся прахом,
Если той земли, где вырос,
Не волнуется запах...

Если ты, дружок, забывчив,
Я тебе напомню:
Даже грубая осока
Благодарна корню.

(Перевод Р. Винонена)

Особенно чувствуется влияние фольклора в эпическом творчестве Я. Ругоева, в его большой повествовательной поэме «Сказание о карелах», опубликованной двумя частями в 1950-е годы. Она стала первым крупным его произведением, да и сейчас остается той поэмой, в которой он отчетливее всего проявил себя как эпический поэт. В связи с этим заслуживает упоминания, что еще в 1952 году, ознакомившись в подстрочном переводе с первой частью поэмы, А. Т. Твардовский в качестве главного редактора «Нового мира»

отозвался о ней в краткой редакционной записке как об «очень стоящей вещи... поэтичной и многоголосной».

В поэме Я. Ругоева изображается народная жизнь Северной Карелии, ее глухих селений на важном историческом переломе, которым стала происшедшая в России Октябрьская революция.

Описываемый в поэме жизненный материал имеет как бы два пласта, два исторических уровня: нижний, более древний, пласт включает вековые традиции патриархальной жизни северо-карельского крестьянства, опыт патриархального рода с определенными занятиями, охотой, рыболовством, подсечным земледелием, с устоявшимися обычаями, незыблемыми представлениями о мире и человеческих взаимоотношениях; и другой пласт, более новый, с исподволь накапливавшимися признаками социальной разделенности внутри патриархальной общины, с грандиозностью потрясений, вовлекших тихих «лесных жителей» в водоворот революционных бурь.

Все, что относится к первому пласту, в смысле общего взгляда на мир и поэтики еще более или менее совместимо с фольклорно-эпической традицией. В поэме подробнейшим образом описывается патриархальный быт, будни и праздники, предметы и утварь, обычаи и вековая мудрость. Как отмечалось в критике, по поэме Я. Ругоева этнограф смог бы составить описание быта карельских крестьян — настолько все в ней точно и подробно изображается.

Необходимо подчеркнуть, что это не просто художественные детали, а достовернейшие реалии народного быта, такие подробности, которые в своей совокупности и составляли обыденную жизнь тогдашнего карела, и шире — вековой народный опыт. Удачной ли была охота, много ли наловили рыбы, не загубил ли ранний заморозок посевы — это были наиважнейшие крестьянские заботы, главные события замкнутого патриархального мира.

Однако и в этом мире происходили уже изменения, и судьбы героев поэмы разделены социальными рубежами. Древний опыт сталкивается в их сознании с новыми социально-классовыми отношениями. Тем резче было это столкновение, когда лесной край был вовлечен в пожар гражданской войны и борьбы с иностранными интервентами.

Возникает вопрос: в какой мере повествовательный стиль, близкий к фольклорно-эпическому, пригоден для изображения уже не традиционной, относительно малоподвижной патриархальной жизни, а драматических событий новой, революционной эпохи.

Революция означала ломку старых устоев жизни, старых представлений о мире. И это была драматическая ломка, которую уже трудно передать неторопливым эпическим повествованием. В поэме Я. Ругоева можно заметить, как при изображении разнородных пластов жизни, древнего (патриархально-родового) и нового (социально-классового), несмотря на стремление повествователя объять

их единым сюжетом, в эстетическом смысле все же не получается органического единства и непрерывности.

Молодая литература, однако, не стоит на месте, она развивается, и в процессе ее развития изменяется и характер ее связей с фольклором. Ранние формы связей уступают место новым формам. В этом смысле примечательной вехой в творчестве Я. Ругоева стала поэма «Хождение за надеждой» (1966). Это уже не эпическая, а лирическая поэма. После «Сказания о карелах» в ней удивляет неожиданная сжатость изложения. Исторический материал и фон те же, но события предельно сконцентрированы, автор не стремится подробно изобразить их, а передает их суть в лирическом выражении. Теперь для него важны не эпическая детализация и не замедленность развертывания картин народного быта, а напряженность лирического размышления. Восприятие истории становится более динамичным, свободно сопоставляются разные эпохи, по-новому отражены сама категория времени и его движения.

Новую функцию получают в произведениях Ругоева и используемые элементы фольклорной поэтики. Например, в лирическом стихотворении «Сестре Ауе» трижды повторяются строки:

Поезд не ждет у перрона отставшего.
Не подождет и корабль опоздавшего,
не подождет...
Ты же, сестра моя, ждешь не дождешься
уже восемнадцатый год...

(Перевод О. Шестинского)

Однако по художественной функции это уже не традиционная фольклорно-эпическая троекратность, подчеркивающая замедленную торжественность повествования, а взволнованный лирический речитатив.

В 1960-е годы Я. Ругоев все решительнее заявляет о себе как лирический поэт. Характерно, что одной из центральных тем его лирики становится тема нравственной стойкости, нравственного самовоспитания личности, в том числе личности поэта, дабы наносным и поверхностным не подменялись гуманистические ценности. Причем в нравственное самосознание новой личности с ее расширившимися связями с миром и обостренной духовной работой органически вписываются вековые народные понятия о чести и долге, совести и человеческом достоинстве. Лирический герой Я. Ругоева — интеллигент в первом поколении, и в этом его своеобразие. Потомок лесного жителя, северного хлебопашца, рыбака, охотника, он стал образованным человеком, приобщился к завоеваниям культуры, но одновременно сохраняет кровную связь с породившим его краем, народной средой, в том числе связь нравственную. Еще в одном из стихотворений 1957 года этот герой заявлял тоном примирительной

усмешки и в то же время весьма настойчиво отстаивая свою правду и дорожа «крестьянскими корнями»:

«Нет, постой, к чему браниться? // Кто тут, право, виноват, // Если я, крестьянский парень, // Неуклюж и грубоват? // Да, простак я, это верно, // Но у чести не в долгу, — // Как бы мне ни приходилось, // Не слукавлю, не солгу...» (Перевод Н. Банникова).

И для героя нет большей обиды, большего человеческого падения, чем пренебрежительное отношение к сородичам, к людям лесных деревень и поселков, чем-то не потрафившим «модерным» вкусам иных псевдоинтеллигентных мещан.

Постоянно сознавая связь с народными корнями, питающими его ум и талант, поэт избирает и мерилom творчества народную правду. Примером служения этой правде для него является подвиг предков-рунопевцев, обычных крестьян, терпевших лишения, но создавших великую поэзию, поэзию жизнестойкой мечты о счастье. В стихотворении «Архип Перттунен» поэт с особой силой говорит об ответственности перед предками, об ответственности за произнесенное слово.

Эта забота о творческой самодисциплине далеко не бесполезна, она приносит свои плоды. В ранних сборниках Я. Ругоева, вышедших в первое послевоенное десятилетие, было еще немало декларативного, невыношенного, заимствованного из текущей публицистики. Ряд стихов того времени в новые сборники автором не включался, но весьма примечательно, что в новых сборниках увидели свет некоторые стихи 1950-х годов, прежде не печатавшиеся. Имеются в виду такие стихотворения, как «Не доверяйся похвалам», «Поэту». В них слышатся раздумья поэта в тот период творчества, когда он, занятый большим эпическим произведением, в лирике переживал определенный перелом. Сознвая приближение зрелости, он предъявлял к себе как лирик более высокие, чем прежде, требования. Готовый защищать независимость устоявшегося художественного вкуса от слишком переменчивых критических поветрий, он в то же время судил себя более строго, чем иные критики:

«Не доверяйся похвалам, // Коль есть в тебе хоть искорка призыванья, // И тот огонь в часы похолоданья // Тепло и силу // Даст твоим словам. // Не доверяйся похвалам, // По ветру времени на правит парус критик, // Не слушай ты восторженные крики, // Не доверяйся похвалам...» (Перевод В. Потиевского).

Тема ответственности творчества, строгости к себе развивается в стихотворении «Поэту»:

Все, что наносно, быстро смоеет время, —
Останется лишь суть, лишь то, что мудро...
Когда бывает сеять очень трудно,
То слабое не надо сеять семя.

(Перевод В. Потиевского)

В 1960-е годы лирика Я. Ругоева во многом обновляется и по своим формальным признакам. Акцент на свободном лирическом размышлении повлек за собой изменения структуры стиха. Поэт довольно часто прибегает к свободным ритмам, к белому стиху; сохранились некоторые особенности фольклорной поэтики, например, аллитерация, но заметно уменьшился удельный вес архаической «калевалской» лексики; в целом поэтический словарь, как и синтаксис, решительно осовременился.

Однако связи образного языка поэта с народным мышлением остаются прочными. Лирический герой Я. Ругоева упорно не хочет расставаться с представлениями, которые с древних времен привычны для карела. Примечательно, что даже мысль о нелегком ремесле поэта облекается в подчеркнуто простонародные одежды, — в этом случае автор, видимо, вовсе не помышлял о полемическом заострении, просто такая образность естественна для него. Сколько раз в мировой лирике поэты сравнивались со светоносцами, их творчество — с горением, ярким пламенем, испепеляющим душевным жаром. Но только тот, кто вышел из «лесного народа», знает с детства, какого искусства требовало в свое время разжигание самого обычного, не метафорического огня в лесу, — только в сознании такого человека труд поэта может вот так произвольно ассоциироваться с лесным костром, кресалом, берестой:

«Высечь искру из камня // И вправду куда уж как просто! // Но не каждый сумеет // Раздуть ее в пламя костра... // И коль нету уменя, // Огнем не займется береста, // А без этой сноровки // Не пробуй попасть в мастера!» (Перевод Б. Кежуна).

Этот образный язык располагает к себе, внушает доверие. Он первороден, им может говорить только хозяин земли, ее работник, а не праздный турист и прекраснодушный созерцатель. Это не просто метафоры и приемы, изобретенные за письменным столом, но и частица народного опыта, речь человека, впитавшего в себя этот опыт и говорящего о том, что ему до боли близко. Когда поэт заявляет: «Я здесь рожден! Поэтому близка мне суровость этой дивной красоты, // тяжелым мхом обернутые камни и синь прохладной утренней воды» (Перевод Ю. Линника), — это не декларация и не красивое иносказание. И понятна его тревога оттого, что многие карельские деревни, над которыми прошла страшная война, до сих пор остаются без достаточного внимания, а иногда и без постоянных жителей. Тем сильнее привязана к ним память, тем неугасимей любовь. В сборнике «Разожгу огонь» (1968) поэт писал:

«Я землю люблю, // Где могилы отцов // Поросли сосняком молодым, // Где третий десяток // Тревожных лет // Не вьется над трубами дым. // Люблю я поля, // Где плугов лемеха // Не взрезают весенней земли, // И одни лишь дожди // Бьют по чахлой траве, // И кустами луга поросли... // . . . // И дума моя // Вечно будет

жива — // К родным берегам я приду // И в новом и светлом // Просторном доме // Огонь в очаге разведу». (Перевод А. Титова.)

В последние десятилетия наряду со стихами Я. Ругоев все чаще обращается к прозе, пишет рассказы, повести, романы, мемуарные очерки, документальные произведения.

Помнится, много лет назад я впервые прочитал небольшой рассказ Я. Ругоева «За сеном для Пеструхи», и он запомнился мне, привлёк простотой и безыскусностью повествования. В рассказе идет речь о двадцатых годах, времени детства автора. Рассказывается о том, как карельская крестьянка, многодетная вдова Хекла, вместе с малолетним сыном отправляется поздней осенью на лодке за сеном на далекую лесную пожню. «А сено у Хеклы за тридцать земель... Самый близкий стожок, в котором и сена-то всего на полвоза,— в семи верстах от деревни, на берегу Белой дамбы. Добираться туда надо через два озера и два перешейка». Для мальчика, которому нет еще и десяти, поездка становится уроком жизни, из непосредственного опыта он узнает много полезных вещей: как можно из распаренных на костре прутьев скрутить плети-жгуты для вязки вместо забытой дома веревки; как надо грести в заводах и на открытом озере, как ведет себя сеном груженная лодка и т. д. И поскольку сам же он помогал таскать вязанки с сеном, сам греб на лодке часть пути,— преподанные за один день уроки никогда не будут им забыты.

Выработавшиеся веками крестьянский опыт и трудовая мораль не нуждаются ни в сентиментальной идеализации, ни в поверхностных ссылках на некую абстрактно-внеисторическую «вечную крестьянскую любовь к земле», взывать к которой, кстати и некстати, стало нынче модой среди публицистов в разговорах о наших сегодняшних аграрных проблемах. Как это хорошо известно и из классической литературы, «любовь к земле» могла в зависимости от общественно-исторических условий принимать разные, в том числе уродливые формы. Крестьянин берет свое поле и старался разумно делать все работы вовремя не из розовых сантиментов, а потому, что это был способ его жизни, единственная для него практическая возможность существования. Или как выражается герой рассказа Я. Ругоева «Большой Симон», деревенский кузнец и плотник: «Нельзя желать двух благ: долгих снов и длинных рубах». В представлении Симона «длинные рубахи», как и «долгие сны», совершенно не сочетаются с деревенским образом жизни, с крестьянской трудовой расторопностью. Особо гордится Симон урочными работами, с которыми он может управиться за один день, от зари до зари. Старый мастер Симон в обрисовке автора представляет еще обычай и мораль карельской деревни той поры, когда считалось зазорным рассчитывать за соседские услуги

деньгами; действовал принцип взаимовыручки, распространявшийся и на путников. «Дом Большого Симона часто служил пристанищем для проезжих обозников... Если случалось, что лошадь путника теряла подкову или ломалась завертка, прикрепляющая оглоблю к саням, то Симон охотно оказывал помощь. И никакой платы за это не требовалось, кроме живой беседы у жарко пылающего открытого очага в вечерних сумерках. Ибо удивительные вести из разных концов большого мира были для этих глухих мест дороже денег».

Ряд рассказов и повестей Я. Ругоева посвящен событиям войны и партизанского движения в Карелии, участником которого был писатель. С военной тематикой связаны рассказы «Вся жизнь впереди», «Марикоски», документальные повести «Двести пятьдесят шесть дней» и документальное повествование «Полк майора Валли». В первой из названных повестей рассказывается о действиях карельских подпольщиков в тылу врага. Вторая повесть посвящена первым трагическим месяцам войны на Карельском фронте, мужеству и героизму воинов легендарного 126 стрелкового полка, сражавшегося под командованием майора Вальтера Валли. Автор в течение двадцати лет изучал историю полка, встречался с ветеранами, в том числе с самим майором Валли.

В 1974-м году опубликован роман Я. Ругоева «Руокоранта — тростниковый берег», в котором повествуется о современной Карелии, о трудах и заботах ее людей, преобразующих родную землю. Это социально-психологический роман, действие происходит в карельском лесном поселке, описывается трудная любовь двух людей, Тауно и Керту, чьи пути в свое время разошлись, но, похоже, не навсегда. Повествование в романе начинается «с конца» и развивается как бы в обратной последовательности; перемежаются разные временные пласты, в сознании героев живет прошлое. В романе затрагиваются многие актуальные проблемы — народно-хозяйственные, экологические, культурно-исторические. Автор и его герои выступают против упрощенного понимания и прошлого и настоящего. При слишком однолинейном, неумном подходе можно исказить и опознать любую идею. В одном из эпизодов герой романа Я. Ругоева рассуждает о том, что даже часто употребляемое применительно к дореволюционной Карелии выражение «край непуганых птиц» (восходящее к названию известной книги М. М. Пришвина «В краю непуганых птиц») может быть истолковано крайне упрощенно. Ни пришвинское выражение, ни образные слова из поэмы ссыльного русского поэта Ф. Н. Глинка «дика Карелия, дика» вовсе не следует понимать так, словно здесь вообще не ступала нога человека. Современные поколения должны знать, что в Карелии веками жили люди, что у них была своя культура, свой язык и обычаи.

В советский период в Карелии произошли огромные перемены. Особенно в последние десятилетия республика, включая самые северные ее районы, довольно быстро индустриализуется. К традиционным лесопромышленным и целлюлозно-бумажным предприятиям прибавляются металлургические комбинаты, все новые гидростанции. Один из ярких примеров: за какое-нибудь десятилетие на месте тихой лесной деревни Костомукши (это как раз родная деревня Я. Ругоева) возник мощный горнорудный комбинат вместе с большим современным городом. У писателя невольно возникают исторические сопоставления, которые использованы и в поэме Я. Ругоева «Костомукша» (1978). Идея поэмы у него родилась еще в самом начале строительства, которое осуществлялось на основе советско-финляндского сотрудничества. В связи с этим особое внимание автор уделил теме дружбы народов. В предисловии он писал: «Моя родная деревня Костомукша находится у самой границы. С детства помню полуязыческое сельское кладбище и там, под мохнатыми елями, замшелый, ушедший наполовину в землю, грубо отесанный каменный крест. Никто не мог объяснить происхождение этого креста — карелы каменных крестов на могилах своих родичей не ставили. И лишь легенды приоткрывали завесу над прошедшими событиями. Не один раз приходили иноземные захватчики с запада, и не один раз была сожжена дотла деревня Костомукша. Нет ее и сейчас. Последний раз Костомукша сгорела в студеный февральский день 1942 года. Но город Костомукша будет жить... Так бывшее место побоищ станет стройкой мира и дружбы на историческом водоразделе. Об этом и моя поэма...»

Индустриализация одновременно означает возрастающее вмешательство людей в жизнь природы, и горький опыт показывает, насколько важно, чтобы оно не превышало пределов разумного. Увы, карельские леса вовсе не безбрежны, как пели поэты еще в недавнем прошлом, — они слишком быстро и не всегда по-хозяйски вырубаются. И прозрачная чистота десятков тысяч карельских озер тоже может стать во многом лишь историческим воспоминанием, если не пресечь энергично их продолжающегося загрязнения. В Петрозаводске, городе на берегу уникальнейшего в Европе Онежского озера, все острее встает проблема улучшения водоснабжения населения.

У Я. Ругоева есть поэма «Озера» (1976), построенная как «собеседование озер», в том числе трех знаменитых озер Куйтто — Верхнего, Среднего и Нижнего, на берегах которых веками звучали прекрасные руны. Нынче в прибойном шуме озер — жалоба и печаль, ибо нарушен круговорот их природной жизни, слишком необдуманно и произвольно меняется уровень воды, затопляются и гниют невырубленные прибрежные леса.

В последние годы Я. Ругоев-прозаик все больше увлекается

документальным жанром, историческими разысканиями, кропотливо собирая материалы из разных источников, встречаясь и переписываясь со множеством людей, которые либо сами участвовали в важных событиях, либо были их свидетелями. Так возник цикл очерков писателя об Эдварде Гюллинге, одном из выдающихся руководителей рабочей революции 1918 года в Финляндии, затем партийном и государственном деятеле Советской Карелии, которому В. И. Ленин в начале 1920-х годов поручил организацию Карельской Трудовой Коммуны.

Нельзя не отметить неутомимую деятельность Я. Ругоева как организатора литературного движения в родной республике. В течение многих лет возглавляя писательскую организацию Карелии, он печется о воспитании литературной смены, об улучшении преподавания национального языка в карельских школах, о расширении количества изданий на родном языке, в том числе для детей.

Прошлое и настоящее Карелии, ее древний и обновленный лик находят в творчестве Яакко Ругоева по-сыновнему бережное и любовное отражение.

Эйно Карху